

К 80-летию МХАТа

ДЕНЬ ДО СЛАВЫ

СРЕДА, 14 ОКТЯБРЯ

14 октября 1898 г. по старому стилю, 26 октября по новому, в Москве открылся Художественно-Общедоступный театр, коллектив, которому суждено было сыграть выдающуюся роль в истории советской и мировой театральной культуры. Публикуемый сегодня материал представляет собой реконструкцию этого первого дня работы театра.

Большой театр давал «Корсара», Малый — пьесу Потапенко «Волшебная сказка» и еще шутку Библибина «Треволнения», Новый театр — «Риголетто», театр Корша в седьмой раз ставил пьесу «Измаил». В Интернациональном театре — том, что совсем недавно назывался «Парадиз» (и в котором в наши дни помещается Театр им. Вл. Маяковского), показывали оперетту «Любовь, веселье и вино», в зимнем театре «Буфф» — «Чародея на берегах древнего Нила». Московский Немецкий клуб затевал маскарад с участием трио шансонетных певцов (мужчины платят за вход два рубля и рубль — за дамский билет). Большая зоологическая выставка, расположенная в доме, где был татарский ресторан «Россия», предлагала посетителям с 11 часов утра до 11 вечера редкостные породы рыб, змей, крокодила, ящериц и говорящих попугаев...

В тот самый день в театре сада «Эрмитаж» впервые представлял Художественно-Общедоступный театр трагедию Алексея Толстого «Царь Федор Иоаннович» (цена местам с включением благотворительного сбора за хранение платья — от 25 копеек до 3 рублей 50 копеек).

— Когда будешь начинать большое дело, — пророчила некогда Немировичу - Данченко цыганка, — запомни: бери день какой-нибудь нечеткий. Цифру бери срединную...

Выбор пал на среду, 14-е. Поутру, когда вышли газеты, поверилось, что цыганка не ошиблась. Даже те из них, что во время подготовки театра к открытию шумно и разглаголосно обсуждали, вправе ли он, будучи общедоступным, считаться художественным, притихли.

Газеты предрекали: «Хочет-

ся быть оптимистом». Предакушали: «Сегодня мы увидим, каково в этом театре исполнение, стоит ли оно на нужной высоте, гадать не будем...» Вливали каплю яда: «Нужно еще, чтобы... был истинный полет артистического вдохновения. Вот главный вопросительный знак. Сегодняшний спектакль даст на него ответ».

Ежедневный восторг газетного стихотворца Лоло уложился в стихи:

Ликуй, московский театр.
Друг эстетических начал!
Сегодня фант свершится
крупный:

Искусства храм
«Общедоступный»

Откроет двери... Целый год
О нам газетчики шумели,
И вот сегодня мы — у цели.
Театр готовился к вечеру, начал
первого спектакля.

Человечество готовилось к началу нового века.

14 октября 1898 года в далеком сибирском селе Шушенском Владимир Ильич Ленин завершал первую главу «Развития капитализма в России».

Антон Павлович Чехов получил накануне в Ялте известие о смерти отца, Павла Георгиевича, тело которого 14 октября 1898 года в 12 часов дня предавалось московской земле.

Городская управа уповала на то, что в будущем веке (а если повезет, то и в будущем году) удастся заменить кожную тягу электрической во всей сети городских железных дорог.

Господин министр внутренних дел отклонил ходатайство Москвы об увеличении и расширении больничного дела. Об этом было заявлено на заседании городской Думы...

К 7 часам вечера спешили в сад «Эрмитаж» 798 москвичей, те, что заблаговременно записались на билеты первого представления Художественно-Об-

щедоступного театра и соблаговолители их выкупить до 4 часов дня.

Существенными недостатками театра считались: малые размеры сценической коробки и некоторая удаленность его от центра города. Новый театр, однако, сумеет привлечь зрителей, несмотря на удаленность, и запишет в своем отчете на первый год существования: «Последнее обстоятельство, впрочем, как бы потеряло значение».

За минувшие недели помещение театра было переустроено: вестибюль, фойе и коридоры декорированы тропическими растениями, двери кабинетов и лож сняты и заменены портьерами. Все это придавало помещению строгий вид. Были перестроены также уборные для артистов. Театр был обит коврами — для тишины. Старые стулья были убраны из зала и заменены новыми креслами. Красла эти были установлены, несмотря на то, что заняли большую, чем старые, площадь. Количество мест, таким образом, и без того ограниченное, сократилось. В распоряжении дирекции оказалось 815 мест. Из них 798 будут сегодня заняты. Это немалый успех нового дела! А через день, 16-го, заняты будут уже все 815 мест, а на четвертый спектакль «Царя Федора» дирекция выставит дополнительный ряд из двадцати кресел в оркестр. Но это все будет, будет, будет, а сегодня, в среду, 14 октября...

«Эрмитаж» никогда не принимал таких зрителей. Даже недоброжелательно настроенные «Театральные известия» 16 октября отмечают, что «в зрительном зале и фойе во время первого представления вы увидите ту же публику, которая всегда посещала спектакли в Охотничьем клубе». Это серьезные и строгие ценители искусства, и пусть рецензент «Курьера», настроенный враждебно к «русским мейнинген-

цам», злорадствует, что «театр был битком набит, но в нем собралась не та публика, которую принято называть... публикой первых представлений». Жаль, что мало сохранилось имен тех, кто был 14 октября в зале! Театральная история должна быть благодарна им за чуткость, за то, что они сумели оценить искусство Художественно-Общедоступного.

Вот они заполняют театр, гуляют по коридорам, шумят, удивляются мягкому свету электрических лампочек, осветивших изменившийся интерьер театрального помещения. А там, в закулисной его части, облачаются в боярские костюмы, изготовленные в Любимовке, те безвестные молодые люди, кому даровано судьбой после этого вечера стать известными России.

Слышен звук китайского гонга, и 798 человек рассаживаются в красла.

Все смолкает.

Раздаются первые такты увертюры, специально сочиненной г-ном Ильинским для первого спектакля, и артисты, одетые и загримированные, собираются на сцене, по ту сторону занавеса.

И у занавеса этого своя история.

«Меня волнует и занавес, — писал К. С. Станиславский Вл. И. Немировичу-Данченко 30 августа. — Мне не придется им заниматься, пожалуй, не успею. Кому поручить поискать в Москве эффектных и дешевых материй для этого занавеса? Я бы сделал занавес или сплошной, из одной хорошей материи или, если такой дешевой материи нет, то...» И далее с указаниями: «материя», «широкий кант» — рисунок будущего занавеса. Жирной, неровной линией — черта, где надлежит ему 14 октября раздвинуться. Именно раздвинуться, как еще ни разу не было на русских сценах, где занавесы были подъемными, а не раздвижными... Вл. И. Немирович-

Данченко пишет в ответ 4 сентября: «Неужели занавес делать без вас? Ой!»

Константин Сергеевич вспоминает, как в ночь на четырнадцатое октября вешали этот матерчатый серый занавес, который, кстати отметим, был назван первым рецензентом Художественного театра «плюшевым, болотного цвета с отделкой в цвет». Такова уж сила театральной магии, соединенная с дальтонизмом театральной критики!

И вот к этому еще не раскрывшемуся занавесу, последней границе между репетициями и спектаклем, на звуки увертюры потянулись все участники «Царя Федора».

«Скоро появились среди нас и наши руководители во фраках, с бледными лицами и горящими глазами... Константин Сергеевич, чтоб скрыть свое волнение и приободрить нас, стал под увертюру плясать вприсядку, — вспоминает артист А. Л. Вишневский. — Но это было не смешно, а скорее страшно...»

«Я танцевал, подпевая, выкрикивая ободряющие фразы с бледным мертвенным лицом, с испуганными глазами, прерывающимся дыханием и конвульсивными движениями».

«Кончив свою пляску «жизни или смерти», Константин Сергеевич взял Москвина и меня, отвел нас в уборную и запер там, дабы мы не разлеклись перед предстоящим нам страшным экзаменом...»

А экзамен уже начался.

Станиславский не вышел на сцену, он был в тот день только режиссером. И тем пугливее было его отчаяние, тем безотчетнее страх. Запершись в своей уборной, он плакал от обиды и беспомощности.

А занавес из дешевой серой материи, казавшийся из зала невесомым и таинственным, медленно раздвигался...

О. РЕМЕЗ,

кандидат искусствоведения.